

* * *

Вечер сети раскинул, и я, как пескарь, попался.
Здравствуй, сумрак, будь же мне другом, если
день испарился, солнце ушло сквозь пальцы,
светлая песня — опять не моя песня.

Это — не радость, но и не катастрофа.
Свет, он как был, так и пребудет вечно,
значит, первое слово, слово от Саваофа
было высоким, не было просторечным.

Здравствуй, мой сумрак, ты улади душу,
чтоб я устал и стал агрессивен, мрачен,
ну а в ответ я встану под звёздным душем,
вымоюсь дочиста, чтоб аж светиться начал.

* * *

Порою благостна печаль,
она в себя нас возвращает
и все, что нас отягощает,
в плод размышленья превращает
и в поиск истинных начал,
которые в конечном свете
к печали душу привели.
В обычной жизни их заметить
мы не могли.

* * *

У ламбины этой не встретишь следов человеческих.
Да что человек, водяной тут и тот не живёт.
Шумят камыши, но неведома разуму речь их.
Стрекозы летают. Слежу кружевной их полёт.

Здесь солнце негромкое, кажется, вовсе умолкло.
Прозрачные тени подвижны, но очень тихи.
А ветер заводит прощальную заповедь волка,
когда задувает в дупло омертвевшей ольхи.

Мои лишь следы тут найдешь. Только кто поручится,
что это следы человецьи меж вёсен и зим?
Ну, разве сороки-болтушки, ну, может, волчица,
бежавшая мимо вчера. А поверишь ли им?

Но можешь поверить себе, хоть и станет тревожно,
когда, присмотревшись к следам у озёрной воды,
почувствуешь дрожь узнавания — разве возможно,
чтоб были твоими неясные эти следы?!

МАША

Волны прибрежной шёпот
на грани слуха — Машша...
И в небо этот шёпот
уносит лёгкий бриз.
А небо — больше парус,
чем купол или чаша,
под ним взмывает к звёздам,
под ним скользишь и вниз.

И снова шелест моря
и шёпот ветра — Машша,
ты всё же появилась,
чтоб раствориться в нас.
Волны язык солёный
облизнет ступни: наша
пропавшая богиня,
ушедшая в триас.

Ты где бродила, Маша,
каких плодила монстров,
каких учила тварей,
как добывать огонь?
Тебя заждался остров,
ушедший в море остров,
ты кликни, он вернется
и сядет на ладонь

встревоженною птицей,
не хищной, но голодной,
его насытить сможешь
ты линией любви,
ведь ты была богиней,
ведь ты была свободной,
и всё, что нужно миру,
живёт в твоей крови.

Ты слышишь шорох крабов,
со всех сторон спешащих,
ты слышишь плеск дельфинов,
узнавших отблеск твой?
Ты только здесь — у моря —
бываешь настоящей.
Ты только здесь — у моря —
становишься живой.

Прибой бормочет скалам
о добродушие пляжа,
но в этом бормотанье
нетрудно уловить
единственную тему — призыв:
ну, что ты, Маша,
войди, как прежде, в море
и память оживи.

* * *

Свет вечерний отструился,
хищный мрак весь мир сковал,
месяц в тучах заблудился
и куда светить, не знал.

Над осенним дивным лесом
распростёрлась тишина,
и своим полночным весом
придавила всех она.

Затаились лисы в норах,
мыши в норках не шуршат,
только страх крадёт споро —
поспешает не спеша.

Где настигнет, где застанет
он любого — в свой черёд:
кто бесчестен, тех обманет,
кто боится, тех убьёт.

* * *

Втопанная в снег, вдоль реки
тропка изгибается плавно.
Тени от деревьев легки,
на душе легко и подавно.
Но меня немного страшит
неподвижная, словно камень,

лодка, вмёрзшая в камыши,
позабитая рыбаками.
Будто чья-то жизнь замерла,
ставшая разменной монетой
в смычке города и села...
песней замерла недопетой.